

Медиа как дефект начала

Медиафилософия – вот что представляется интересным на сегодняшний день. Интересным, потому что медиа с позиции современности позволяет нам обозревать прошлое и чувствовать свою причастность к нему. Будучи ультрасовременным понятием, медиа представляет собой отголосок архаики. Медиа несет на себе отпечаток тех прошлых событий, которые, ни вспомнить, ни увидеть нельзя, но можно быть уверенным, что они были, только потому, что медиа своим присутствием заявляет нам об этом. Можно сказать, что в контексте данной статьи медиа покажет себя как *предлюдия*, то есть как то, что *предварило* людей.

Замысел текста состоит в том, чтобы присвоить феномену медиа философское значение через возвращение ему онтологического статуса. Но почему мы вменяем медиа философский смысл именно через возвратное действие станет ясно далее. Вот ключевая мысль, от которой я возьму на себя смелость оттолкнуться во вступлении к моему исследованию: «Если первоначально за современными медиа закрепляется инструментальный статус, - роль незаинтересованного посредника (будь то письмо, телефон, радио, компьютер), задача которого *сообщать*, не принося ничего от себя, - ни собственной стратегии, ни своих интересов, ни воли изменить положение дел, то в дальнейшем ситуация решительно меняется: медиа не только становятся самостоятельными, но и *единственным*, или, усилив тезис, онтологическим условием существования человека. Они уже не являются техническими посредниками, транслирующими нечто, что в них самих отсутствует, что только через них передается, проходит, но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания»¹.

Итак, медиа как инструмент больше не работает. Для нас, как исследователей, отправным пунктом является утверждение, что медиа становится *онтологическим условием* существования человечества. Здесь важно обратить внимание на хронологическую последовательность изложения в приведенной выше цитате: во-первых, медиа изначально понимается как инструмент, посредник, и лишь впоследствии как среда; во-

¹ Савчук В. В. Медиафилософия: формирование дисциплины. // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. / Под. ред. В. В. Савчука. - СПб: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. С. 10.

вторых, уже будучи условием человеческого существования, медиа пытается восстановить свой онтологический статус только сейчас, в настоящий момент, в XXI веке. Иначе говоря, медиа обретает свой истинный смысл задним числом, в эффекте последействия, в логике, где будущее определяет и отсылает нас к прошлому. К какому прошлому, спросите вы? К прошлому опыту. Опыту, какому? Опыту первотравмы, который не поддается символизации, так как является фантазмом.

“Когда-то в прошлом” медиа оставило рану на теле человечества, которая открылась в условиях современности и начала кровоточить. Как татуировка на волосатом черепе, которая налилась кровью, медиа дало о себе знать. Обрившись наголо, можно в режиме здесь и сейчас обнаружить послание, вырезанное на коже и выбитое на кости черепа. Но можно ли его прочесть? Да и кому это надо, видеть и читать кровавые послания медиа? Зачем будущему ворошить прошлое? Что явилось причиной разрыва залатанных поверхностей на теле общества? Что вскрыло затянувшиеся раны? Почему татуировка кровоточит? Ответ прост: медиа возвращается и возвращает себе утраченный смысл. Медиа – это не только пустая форма, вбирающая, сохраняющая и передающая информацию, не только вместительница памяти, но и начало человека мыслящего как такового. Медиа, как отправная точка в истории человека, производит дифференциацию прошлого, настоящего и будущего: определяет начало темпорального экстаза. Медиа – это не способ вспоминать, а возможность помнить. Помнить что? Опыт первотравмы. Помнить как? Как первосцену. Медиа кажется первосцену, и именно поэтому современное человечество и живет в ситуации зрелища.

Убийство отца как событие медиа

Очертить границы понятия медиа однозначно и точно очень сложно. Но мы такой цели не преследуем. Первая мысль, которая приходит в голову при работе с исследуемым понятием, – это обратиться к различного рода толковым и иностранным словарям. Но слово *media*, по-видимому, неопределимо, или, что вероятнее всего, еще не определено. Очевидным является только то, что понятие *media* является производным от латинского *medium*, которое обычно переводится как нечто среднее, занимающее промежуточное положение. Поэтому в своих попытках определить медиа, я буду исходить из возможных значений понятия *medium*.

Обратившись к Большому Латинско-русскому словарю, составленному по материалам словаря Дворецкого И. Х. и Большому Русско - латинскому словарю Поляшева М. П., я нашла интересным один из неявных, идущих не в

первую очередь, переводов понятия *medium*. Согласно обоим словарям, *medium* может быть переведено как общество, общественная жизнь (*medium publicum*) или сообщество. Для нашего исследования понимание *media* в контексте общества и со-общества как совместного бытия людей представляется основным. Ведь мы исходим из положения, что медиа – это *пре-людия* или онтологическое *условие* человеческого существования. Именно **условие** указывает на то, то мы находимся в точке развертывания человеческого, исторического, общественного измерений, когда говорим о медиа как онтологической категории. Значит, только в контексте медиа, мы можем говорить о рождении человека, истории и общества. Медиа – это **условие** вхождения варвара в культуру. Но какой ценой варвар очеловечился? Ценой невротизации.

В своей попытке помыслить медиа как архаический отголосок, мы будем опираться на работу французского философа и профессора Компеньского технологического университета Бернара Стиглера. В контексте его рассуждений представляется возможным рассмотреть медиа как первое орудие, оружие или технику, которая стала началом человеческой истории и памяти. Статья Стиглера “Оружие (мертвого) Отца или наследие и наследование у Фрейда” находится на стыке антропологического, биологического, философского и психоаналитического знания. В своем тексте автор отталкивается от работ Фрейда “Тотем и Табу” (1912), “Человек Моисей и монотеистическая религия”(1938), “Я и Оно”(1923), от теорий Леруа-Гурана, Вейсмана, Дарвина, Ламарка, Руссо “Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми” (1755) и мифа о Прометее, изложенного в диалоге Платона “Протагор”. Основное внимание автор сосредотачивает на двух сюжетах мифологического толка:

1. Убийство Отца орды в примитивном сообществе и последующее тотемическое пиршество, изложенное в работе Фрейда “Тотем и табу”.
2. Похищение огня Прометеем у Бога - Отца Зевса, прописанного в диалоге Платона “Протагор”.

Проведя компаративистский анализ (метод сравнения, необходимый для выявления подобия), Стиглер приходит к выводу, что события, описанные в обоих сюжетах тождественны. В обеих ситуациях мы имеем дело с *преступлением* против Отца и последующим учреждением Закона, конституирующим сообщество. В контексте данного события философ рассматривает первое орудие как оружие, которым было совершено преступление против отца, в результате чего человек совершил скачок в культуру. То есть событие убийства отца совпадает с событием рождения техники как таковой и техники как оружия. Дикарь, взявший в руку оружие и

убивший самца, становится человеком-невротиком, поправшим Закон, который он своим преступлением и установил. В нашем исследовании первое орудие или техника, оказавшаяся в руках человека, есть ничто иное как медиа.

Итак, мы предполагаем, что медиа является условием перехода от варварского состояния к человеческому, от доисторического периода к историческому. Однако, событие техники, как начало истории, связано с утратой абсолютного, фантазматического прошлого и обнаруживает себя в точке дифференциации времен. В абсолютном прошлом – до события убийства, существует *живой самец*, еще не отец человеческий, в относительном прошлом, после убийства, перед нами *мертвый Отец*, учреждающий Закон (запрет на инцест и убийство Отца), и потому предстающий как более могущественный и вечный. Переход от абсолютного прошлого к трехмерному измерению времени совершается через оружие, технику или медиа. Переход к историческому = трехмерному времени сопровождается оборачиванием внешнего Запрета внутренним убеждением, ведь Закон для того, чтобы действовать должен быть интериоризирован. За счет чего происходит интериоризация Закона? Вследствие возникновения социального, общественного, медиального измерения, которое обеспечивает переводение внешнего Запрета внутрь, когда он становится чем-то самим собой разумеющимся, императивом человека как такого, тем, что изначально ему присуще, что является его внутренним убеждением и понятием. Иначе говоря, внешний Запрет, ставший внутренним Законом, обретает статус бессознательного. Запрет на инцест и убийство Отца трансформируются в символ Отрицания, из которого и рождается мышление как таковое. Запрет на действие сам по себе уже обнаруживает наличие представления о нем, которое принадлежит области бессознательного. “Уже само существования представления – это гарантия реальности представленного”² Табу, как негативное суждение, есть способ признания бессознательного со стороны человеческого Я. Введя внутрь себя отрицание в виде запрета, человек из действующего варвара становится мыслящим существом. Важно отметить что, теперь, с момента рождения человека и техники, именно *мышление* провоцирует действие: интеллектуальный акт/способность суждения опережает моторное действие и тем самым обуславливает его. Именно из невозможности вновь убить Отца и совершить инцест человек использует свое орудие труда для создания другого орудия труда, а не для убийства. Так оружие уничтожения становится орудием или средством производства.

² Фрейд З. Отрицание. Психология бессознательного. - М., 2006. С. 402.

Умение владеть орудием невротизирует человека, то есть вводит его в Символическое измерение культуры. Мы приходим к выводу, что такое событие техники/медиа как убийство Отца есть не только событие начала происхождения человека и истории, но и начало мышления как негативного акта, который в свою очередь обнаруживает сферу бессознательного. "Ведь признание бессознательного со стороны "Я" выражается формулой отрицания"³. Так, убив Отца и установив Запрет, человек манифестировал существование бессознательного желания сделать это вновь.

Иными словами, событие техники обнаруживает себя одновременно и как событие психики. То есть человек – это уже изначально психо-техно существо: антропогенез всегда уже техногенез, но более того еще и социогенез. Запрет скрепил человека узами кровного родства, которое является виртуальным = социальным родством или структурой Символического порядка, репрезентирующей общество.

Таким образом, мы приходим к выводу, что медиа как событие убийства Отца является онтологическим условием существования человека. Медиа рождается вместе с человеком и является началом истории, культуры и мышления как таковых.

Медиа среда и посредник

Теперь нам представляется интересным более подробно остановиться на положении, что медиа как первая техника рождается вместе с человеком и одновременно является и *посредником*, передающим информацию, и *средой* его существования. Ранее было сказано, что с момента появления медиа происходит дифференциация времен на настоящее, прошлое и будущее, что связано с появлением такого феномена как память. Медиа как орудие труда является памятью или местом локализации и записи информации. Так, согласно Вейсману, представителю молекулярной биологии, человек имеет два вида памяти: филогенетическую (зародышевую, видовую) и эпигенетическую (соматическую, нервную). Приобретенные черты не наследуются, поскольку между двумя видами памяти нет никакой непосредственной связи. Если животное уносит все приобретенное собой, ничего не оставляя своему виду, то человек сохраняет приобретенные качества для потомков. Человек обладает *третьей памятью* – эпифилогенетической памятью – или памятью орудия. Точнее будет сказать, что памятью обладает орудие, а человек через орудие обладает памятью. Более того орудие как медиа выполняет функцию наследования, являясь

³ Лакан Ж. Семинары, Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа. - М., С. 169

средством хранения и передачи приобретенных качеств, знаний и опыта человека.

Как возможно помыслить медиа в качестве среды? Медиа как среда выражает себя в том плане, что является условием организации со-общества как социального пространства (на что косвенно указывает один из переводов слово *medium*, представленный ранее). Медиа как сообщество открывает измерение другого, а значит, рождает отношения между людьми, которые разворачиваются в сфере психического. Медиа открывает психическую реальность: показывает, что есть другой, от которого ты зависишь, в котором ты нуждаешься. Тем самым обнажает человеческую нехватку и неполноту. Так Бернар Стиглер говорит об изначальной технике/медиа как “дефекте начала”. В попытках объяснить смысл данного словосочетания, как одного из возможных определений медиа, автор ссылается на антропологические исследования Леруа-Гурана в области прямохождения, где он рассматривает медиа как неорганическую проекцию человека вовне. “Человек это существо изначально протезированное”⁴ – утверждает автор статьи вслед за антропологом. Действительно, первое медиа (скажем, палка) есть ничто иное как продолжение человека, дополнительный неорганический орган, косная материя или протез. Иначе говоря, протез – это телесное и психическое расширение человека. Поэтому мы можем говорить о психо-техно-протезах или о медиа-протезах как о явлениях, сопутствующих становлению человека человеком или техносуществом.

“Про-тез - то, что поставлено впереди, т. е. то, что находится снаружи, вне того, что его поставило впереди. Однако, то, что находится вне конституирует самое бытие того, что обнаруживается, и это бытие оказывается вне себя. Бытие человека — (бытие) вне его”⁵ Здесь мы сталкиваемся сразу с двумя проблемами: проблема внешнего/внутреннего и проблема смерти. Медиа как протез демонстрирует выворачивание внутреннего во внешнее, о-вне-шнение психического измерения человека. Человек выходит за собственные пределы, что собственно и предопределяет его смертность или конечность. Только за границами себя человек способен оставить след, след накопленных им знаний, умений и опыта. Медиа – это бесконечное бытие человека вне-себя. Иными словами, медиа настолько же продукт человека, насколько и человек продукт медиа. Человек удваивается в медиа как проекции, и только через это удвоение обретает истинное существование. Медиа как палка-протез-костыль, всегда поставленное

⁴ *Стиглер Б. Оружие (мертвого) Отца или наследие и наследование у Фрейда.// Кабинет: Картины Мира II., Психо/техно. - СПб., 2001. С.30.*

⁵ *Там же. С. 27.*

впереди, опережает нас, отсылая к преждевременности рождения, к предвосхищению владения собственным телом, к нашей неполноте, дефекту, изъяну, “хромоте”.

Отсюда можно заключить, что медиа является внешней средой, где происходит бесконечное развертывание внутреннего. Тем самым дихотомия внутреннее/внешнее в медиа среде снимается. Но мы имеем дело с гегелевским *снятием* – *aufhebung* – которое сопровождается *сохранением*, сохранением следа как изначального дефекта рождения. Миф о преступлении против Отца невозможно датировать, описать как единицу, его можно выразить только как общее: он создает дефект. Абсолютный дефект забывания фантазматического прошлого. Но самое интересное, что и сам миф рождается, создается дефектом – изначальным дефектом отсутствия Отца. Дефект отсутствия Отца, будучи устраненным, переходит в другой дефект – дефект человеческой нехватки. Мы сталкиваемся с парадоксальной логикой: дефект порождает дефекты. Техника/медиа, изначально создаваясь, должна была этот дефект упразднить. Получается, что медиа рождается из логики дефекта в доисторическую эпоху и *снимает* его, превращая этот дефект в абсолютное прошлое, бывшее до начала дифференциации времен, в прошлое, которое запомнить невозможно, и тем самым конституирует относительное, человеческое прошлое, сохраняя дефект как нехватку, который невозможно забыть. Медиа переводит внешнее отсутствие Отца во внутреннее присутствие нехватки и в этом смысле предстает как дефект начала. То есть медиа оставляет после себя абсолютную амнезию, абсолютный дефект принципиальной невозможности вспомнить первотравму = убийство Отца, но одновременно несет в себе знание о ней, которое не поддается расшифровке и воспоминанию. Выполняя, таким образом, функцию наследования, медиа являет и передает дефект из поколения в поколение, показывая человеку то, что он просто напросто увидеть не в состоянии. Но быть может, мы смотрим послания медиа каждую ночь в форме сновидения?